

Наиль Муратов

Четвертый закон робототехники

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Айзек Азимов. Первый закон робототехники

Я – поэт, а это означает, что мне на все плевать. В моей квартире продавленный диван соседствует с поломанным креслом, обивка на котором поизносилась и требует ремонта, а подломившаяся ножка перекосила всю конструкцию в сторону журнального столика. Садиться в такое кресло рискованно, но это пустяки, куда хуже, что в ванной текут оба крана, а хитрое устройство для слива воды в унитазе приказало долго жить еще четыре года назад. Мне нравится комфорт, и будь у меня деньги, я, наверное, пригласил бы каких-нибудь толковых мастеров, чтобы они привели жилище в порядок. К несчастью, поэты – самая бедная часть общества, исключая разве что бомжей и... пытаюсь завершить предложение, я так и не смог найти категорию граждан, скрывающуюся под многоточием. Возможно, ее вообще не существует, и исключения сводятся к одним только бомжам.

Но у поэтов есть то, что примиряет с житейскими неурядицами. Кто-то скажет, что это обостренная интуиция, особый нюх на правильное слово и на его место в строке, и этот человек будет прав, но только наполовину, потому что на самом деле главное качество поэта – его лень. Именно лень заставляет нас переводить бумагу на бесполезные рифмованные строчки, хотя каждый литератор знает, что настоящий доход приносит только проза. Читатель любит прозу и с раздражением отбрасывает томик Пастернака или Бродского, не откликаясь на талант при-

знанных гениев. Поэтов читают только другие поэты да жалкая часть романтически настроенной интеллигенции. Встречаясь с ними на тусовках, в большинстве своем вызывающих скуку, я осознаю, что эта публика мне не нравится. Особенно поэты с их постоянной ревностью, с вечным страхом, что кто-то пишет лучше. Меня раздражает их высокомерность, снисходительный вид, с которым они слушают чужие стихи, вставляя время от времени едкие замечания, в большинстве своем несправедливые. Интересно, что степень критического отношения поэта к чужому творчеству зависит от уровня его собственного таланта. Из авторов, знакомых мне лично, наиболее талантливый – Дима Веденяпин. Мне нравится его поэзия, но еще больше – та светлая аура, что присуща людям, находящимся в полной гармонии с окружающим миром. Но таких, как он, – единицы, а в подавляющем большинстве своем поэты – люди самовлюбленные, зацикленные исключительно на собственном творчестве. От них невозможно дожидаться ни понимания, ни одобрения, и единственными искренними почитателями таланта остаются только те, ради кого мы, собственно, и творим. Их немного, но они придают легкость воображению и твердость руке. Речь, как вы понимаете, идет о поклонницах. Они всплывают время от времени из топкой трясины нашей жизни, превращая ее в нечто качественно иное, в то, что придает однообразному существованию хоть какой-то смысл. Поклонницы обычно наивны и потому обворожительны. Тайна их наркотического воздействия на поэта останется неразгаданной, хотя разобраться в причинах этого забавного явления пытались такие признанные мастера, как Ивлин Во с его «Незабвенной» или Майкл Каннингем. Возраст поклонниц не ограничен какими-то рамками, у этих девушек вообще мало общего, объединяет их только энтузиазм. Я встречаюсь с ними в дешевых кофейнях, прогуливаюсь в парках или в зеленой приморской зоне, рассуждая о творчестве Мандельштама или Гумилева, но в конечном счете разговор почти всегда перескакивает на какую-нибудь Веру Полозкову или Аню Ривелотэ. Никуда не денешься, именно интернет-поэтессы делают теперь погоду, а нам – пишущим для журналов и альманахов – остается только завидовать их популярности.

Время от времени поклонницы напрашиваются в гости, особенно если сами сочиняют стихи. Я в хороших отношениях с редакторами двух альманахов, и это всем известно. До поздней ночи я исправляю творения очередной соискательницы, восхищаясь ее абсолютной бесталанностью, а потом еще полночи уходит на задушевную беседу за чашечкой кофе. Не знаю почему, но беседа с очередным эфирным созданием так меня заводит, что я выдыхаюсь только к утру, когда у поклонницы начинают слипаться глаза, и она пытается уснуть прямо за кухонным столом. Отношу ее на диван, а сам устраиваюсь на кровати и отчаливаю в небытие видеть прекрасные сны.

Утром все уже не так, утро – время отрезвления, и жалкий вид моего жилища бросается в глаза даже при сумрачном освещении. Поклонницы, чувствующие себя вдвойне обманутыми, ретируются, отклоняя галантное предложение выпить кофе или хотя бы чаю. Именно в это время, когда остаешься один в опустевшей вдруг квартире, пишутся лучшие стихи. Я – волк, отбившийся от стаи, асоциальный элемент, и это движущая сила моего творческого процесса.

Только одна из женщин задержалась в моей жизни по-настоящему, но она никогда не была любительницей поэзии. Она не появляется у меня дома, мы встречаемся у ее подруги. Изредка, когда муж уезжает в очередную командировку, мне удается проникнуть в огромную квартиру на десятом этаже фешенебельного дома, и мы сутки или двое, запасшись едой и вином, проводим друг с другом, почти не вылезая из постели. Иногда мне кажется, что мы и живем-то только этими невероятно короткими мгновениями, подгоняя под них свое обособленное существование. Наташа никогда не разведется с мужем и не переедет в мой дом, не променяет кипучую свою жизнь на брак, не сулящий ничего, кроме разочарования, брак, время которого будет измеряться в лучшем случае месяцами.

– Я не выйду за тебя, потому что не хочу тебя потерять! – ее слова – образец казуистического мышления, но их неприкрашенная логика не в состоянии достучаться до моего сердца.

– Гениально! Чернь рукоплещет, – раздражение в моем голосе заставляет ее проникновенно пояснить:

- Пойми, нельзя потерять то, что тебе не принадлежит.
- Глупости! Подмена понятий! Ты же хорошо знаешь, что я и так весь твой, от рогов и до кончика хвоста.
- К счастью, – поправляет она, прижимаясь щекой к моей щеке, и обе они становятся мокрыми. Это – беспронимательный ход, и мне остается только признать поражение, потому что я не выношу, когда она плачет, даже если ее слезы вызваны избытком любви.
- Ладно, к счастью, только не рыдай! – соглашаюсь я, но не могу удержаться от колкости: – Крокодил тоже плачет, перед тем как откусить кусочек от жертвы. Хорошо быть крокодилом.
- Лучше всего быть человеком, – она серьезна.
- Интересная мысль! Объясни, почему, а то я сам не знаю.
- Потому что у человека есть душа. И когда он делает что-то не так, его душа болит.

Она умолкает, боясь коснуться запретной темы – наших отношений. Наташа – образец успешной женщины, она – второе лицо в небольшой, но процветающей фирме, ее муж – достойный человек, никак не ограничивающий свободу жены. В общем, идеальная пара, по мнению окружающих. Пять лет счастливого брака, а затем два года раздвоения личности – встречи украдкой, втиснутые в плотный график производственных мероприятий, томительное ожидание очередной командировки мужа и, наконец, честно заработанный отгул, взятый на фирме и в семейной жизни, отгул, позволяющий страсти, рвущей наши сердца, выплеснуться, подобно солнечному протуберанцу, наружу, но этот миг скоротечен, и ему на смену снова приходит работа, домашние обязанности и множество других нужных и бесполезных дел, из которых и складывается бытие современной женщины. Я знаю, как она страдает от этого раздвоения, ставшего стилем ее жизни, она, привыкшая все делать правильно и всегда добиваться успеха. И еще я знаю, что виноват в этом я. Нас познакомила подруга Наташи, работающая на одном из городских телеканалов, на вечеринке по поводу начала нового проекта, причем в ее однокомнатную квартиру набилось человек пятнадцать, каждый из которых говорил о своем, не слушая других. Меня пригласили потому, что я написал для них когда-то пару удачных слоганов. Пива было хоть залейся, а из закуски – только соленые фисташки. В общем, я нормально прово-

дил время, беседуя с самим собой, пока не появилась Наташа. Не знаю, каким ветром ее занесло, но атмосфера в комнате изменилась, и Наташа постепенно оказалась в центре внимания. Из хаоса возник порядок, причем она, казалось, ничего для этого не делала. Через какое-то время я понял, что не могу оторвать от нее глаз. У меня хватило ума найти достаточно благовидный предлог, чтобы напроситься проводить ее. Идти, правда, пришлось всего два квартала, но как-то так получилось, что у подъезда ее дома мы простояли час. Когда мы расставались, она отказалась дать мне номер своего телефона. Я вернулся к ее подруге и честно признался, что не представляю, как буду жить дальше.

– Тебе ничего не светит! – объяснила она. – Мы с Наташей дружим с первого класса. Она – отличница по призванию, у нее всегда все правильно. Ей не нужна интрижка на стороне, Наташе такое просто в голову не придет.

Не знаю, почему она сменила гнев на милость, может быть, ей просто стало меня жалко, или любопытство заело, но на следующей неделе она организовала-таки у себя дома «случайную» встречу, где мы с Наташей проговорили друг с другом около двух часов, правда, потом так и не смогли вспомнить, о чем. На этот раз мне удалось добыть ее телефон, и наши свидания по пятницам стали регулярными – раз в неделю или в две, в зависимости от обстоятельств, потому что тратить на меня времени больше она не могла или не хотела. Мы проводили около часа за чашкой кофе на диванчике в неприметном кафе, где на нас никто не обращал внимания. Однажды я не выдержал и попытался поцеловать ее, но она, отстранившись, отодвинулась на край дивана, сохраняя дистанцию и оставаясь задумчивой до того момента, пока время нашего свидания не истекло.

– Наверное, нам не стоит больше видеться, – она произнесла это спокойно, без эмоций, и внутри меня что-то оборвалось. – Не звони мне больше.

Она направилась к офису, находившемуся всего в четырех кварталах, а я побрел следом, не зная, что делать, мне казалось, что время стало тягучим, как патока, и в его вязкой массе звуки клаксонов переходят в басовый регистр. Оглянувшись и заметив меня, Наташа остановилась.

– Почему ты меня преследуешь?

Мне не пришло в голову никакого объяснения, да и что тут объяснять, я просто не мог допустить, чтобы Наташа исчезла, потерявшись навсегда в своем офисе или в роскошной квартире на десятом этаже, или в десятке других мест, скрытых в неправильной сетке центральных одесских улиц, в общем, в любой точке мира, в котором я никогда бы не смог ее разыскать, потому что у меня нет кода доступа на его закрытую территорию. Я – существо окраин, лежащих за пределами области обитания Ното Сарьен, человека разумного.

Мы простояли молча несколько минут. Почувствовав мое состояние, Наташа примирительно произнесла:

– Пожалуй, я погорячилась. Ты ни в чем не виноват, а я... слишком близко приняла все к сердцу. Останемся друзьями.

– Конечно, – согласился я. – Чего ж не остаться?

Мы договорились встретиться, как обычно, через неделю, но вечером следующего дня мне позвонила ее подруга и поинтересовалась, не хочу ли я увидеть Наташу. Примчавшись по знакомому адресу, я понял, что попал на девичник, – обе девушки накачивались коньяком, причем на мужской манер, закусывая только дольками лимона. При моем появлении хозяйка дома немедленно умчалась на работу, пообещав вернуться через двадцать минут. Разумеется, она не вернулась, а позвонила и сообщила, что задержится не меньше чем на пару часов.

– Вы сговорились? – поинтересовалась Наташа. Ее безучастный тон не предвещал ничего хорошего, и я лишь пожал плечами, но ей не требовался ответ, потому что и так все было понятно, она отошла к окну и застыла, вглядываясь в темноту. Разлив остатки коньяка по бокалам, я подошел к ней, но она отпрянула, увидев мое отражение в оконном стекле, и мне пришлось поставить бокалы на подоконник, потому что пить в одиночку – последнее дело.

– Торжествуешь? – едко спросила Наташа.

– С чего бы это? – удивился я. Повода для торжества не было никакого, наоборот, оттого, что она чуралась меня, сердце мое ledeno. Я сделал шаг, и она вновь отступила назад. Выглядело это, наверное, довольно гнусно, будто мне нравилось издеваться над ней, и я, отойдя в сторону, предложил:

– Давай провожу тебя домой!

Она кивнула, соглашаясь, и мы направились к двери, которую, к счастью, удалось захлопнуть без ключа. Те несколько минут, что мы добирались до ее дома, прошли в молчании, но у входа в подъезд я не выдержал:

– Почему ты меня избегаешь?

– Ты сам виноват! – убежденно ответила она.

– В чем?! В том, что не могу без тебя жить?

Отвернувшись, она порылась в сумочке и достала магнитный ключ от входной двери. Войдя в подъезд, направились к лифту, а я последовал за ней, удивляясь собственной настойчивости. В лифте мы не разговаривали, а когда Наташа вошла в свою квартиру, стало понятно, что я ее потерял. Но она вновь приотворила двери и выглянула на лестничную клетку.

– Ты разве не зайдешь?

– Не думаю, что это понравится твоему мужу.

– Он в командировке.

Половину стены в огромной прихожей занимало зеркало, и когда мое отражение увеличилось и приблизилось, почти совместившись с отражением Наташи, она сделала шаг в сторону и предложила:

– Я сейчас сварю кофе, и мы спокойно обо всем поговорим... Ты действительно не можешь без меня жить?

– Могу.

– Я так и думала.

Мы прошли в гостиную, к которой примыкало выложенное плиткой открытое пространство со встроенной кухней и старомодным деревянным столом, выглядевшим болезненно-желтым уродцем в окружении сверкающего пластика и хрома. В сущности, он был здесь таким же чужеродным элементом, как и я. Наташа, включив сложное электронное устройство для приготовления кофе, достала из шкафчика две миниатюрные чашечки с блюдцами, а затем, держа их в руках, приблизилась ко мне и требовательно спросила:

– Ты сказал правду, что можешь без меня жить?

– Нет.

Мы выпили кофе в тягостном молчании, и я направился к двери: было ясно, что время моего пребывания на запретной территории истекло. Мы сухо попрощались.

В ожидании лифта есть своя фатальная чувственность, позволяющая осознать, что от тебя в этом мире ничего не зависит и, следовательно, он тебе ничего не должен. Но если лифт приходит слишком скоро, ты заходишь в кабину, так и не просветлев. Добравшись до первого этажа, я вновь надавил на кнопку с цифрой 10. Вышел на лестничную клетку. Остановился возле знакомой квартиры. Возможно, я простоял бы так всю ночь, но в дверном проеме образовался вдруг узкий просвет, являвшийся, в сущности, входным билетом. Оставалось только войти.

Наташа, ожидавшая за дверью, защелкнула замок и направилась в гостиную. На середине пути развернулась и, обвинив мою шею руками, прошептала:

– Я надеялась, что ты вернешься.

Мне оставалось только гладить ее волосы, потому что я не знал, что сказать.

Так вот это все началось, и продолжается по сей день. Мы встречаемся в разных местах, иногда выезжая за город, но чаще всего пьем чай или кофе в каком-нибудь подвальчике, где на нас точно никто не обратит внимания. Много разговариваем, и мне это нравится, потому что в такие моменты у Наташи счастливые глаза. Во время нашей близости они становятся совсем другими, пугающе темными и бездонными, и я понимаю, что в глубине этой черной бездны и скрывается ее неутоленная страсть.

Наташа по-прежнему не интересуется поэзией, но мои стихи читает охотно. Ей нравится, что я могу написать законченное стихотворение за несколько минут. Она называет меня автоматом по производству стихов.

– Почему ты ни к чему не стремишься?

Ее вопрос ставит меня в тупик. Раньше мне казалось, что я хочу достичь чего-то в своем ремесле, и я по десять раз переделывал одни и те же стихотворения, проталкивая их в разные издания в тщетной надежде добиться известности, и только недавно осознал, наконец, полную бесполезность своих усилий. Чем является моя жизнь? Я не создал ничего полезного, даже семьей не обяза-

велся, а теперь, наверное, уже и не обзаведусь, потому что не могу представить рядом с собой никого, кроме одной-единственной женщины, которая никогда не будет мне принадлежать. Все, что остается, – ждать новых встреч и писать стихи, ведь больше я ни на что годен. Странно, но живя такой жизнью, я чувствую себя вполне счастливым. Мне действительно не к чему стремиться, потому что я не хочу ничего сверх того, что имею. В отличие от деятельной и целеустремленной Наташи, я – созерцатель, а не создатель. Наверное, у нее есть все основания называть меня роботом-поэтом, поскольку я запрограммирован только на две вещи: писать посредственные стихи и стремиться к женщине, без которой не представляю своего существования. Можно, разумеется, задаться вопросом: способен ли робот любить? Почему бы и нет, все зависит, в конечном счете, лишь от сложности его конструкции. Но робота нельзя запрограммировать на успех, на достижение материальных благ, потому что тогда он обязательно вступит в конфликт с Первым законом робототехники, нарушить который электронно-механическое устройство не имеет права. Впрочем, у меня это отчасти получается.

К трем Законам робототехники, устанавливающим, что робот не может причинить человеку вред, но должен выполнять приказания людей и заботиться о собственной безопасности, я придумал дополнение. Я назвал его – Четвертый закон. Он гласит: робот, если любое его действие приводит к нанесению человеку вреда, должен терпеть и продолжать функционировать до тех пор, пока не сломается. Я пока не сломался. Я лежу в своей постели в полном одиночестве, думаю о том, что завтра вновь увижу Наташу. Мы встретимся в кафе, затаившемся в укромном переулке в четырех кварталах от офиса. Сюда никогда не заходят люди ее круга, только студенты да такие никому не нужные типы, как я. Возможно, и она сейчас не спит и думает о том же. Полчаса назад я написал новое стихотворение.

А завтра вновь мы встретимся в кафе,
я буду долго пить остывший кофе,
а ночью вспоминать твой нежный профиль,
валяясь на продавленной софе.

Мне ничего не надо от судьбы,
лишь губы целовать твои и руки
в час краткий от разлуки до разлуки
и грезить наяву: «а если бы».

Но это «бы» не сбудется вовек,
тебя закружит вереница буден,
и будет лето бить в свой яркий бубен,
и будет падать прошлогодний снег.

И будет муж, надежный, как скала,
дом-крепость и престижная работа,
но вдруг во тьме души займется что-то,
и в сердце запоют колокола.

И как всегда мы встретимся в кафе.

